

Империя Шэн Сюэлай, первая Военная академия Шэн Сюэлай.

Двери тренировочной площадки для мехов были распахнуты настежь, посадочная площадка полностью подготовлена.

Вся территория военной академии пестрела яркими имперскими флагами.

Знамена тихо покачивались на ветру, а у входа в академию Шэн Сюэлай даже натянули праздничный транспарант:

Добро пожаловать домой, Ваше Величество и доблестные воины империи!

Быстрее посмотрите на небо, они вернулись!

Кто-то на тренировочной площадке внезапно указал пальцем ввысь.

Родственники, пришедшие встречать близких, тут же подняли головы.

Серебристо-сверкающий мех пробил плотный слой облаков и с громовым ревом пошел на посадку.

Вернулись, маленькие герои империи вернулись!

Тот самый серебристо-серый мех вскоре плавно опустился на посадочную площадку Военной академии Шэн Сюэлай. Фонарь кабины медленно откинулся, и курсанты академии, вернувшиеся с просторов звездных войн, со слезами на глазах выбрались наружу.

Пройдя через жестокие космические сражения и вернувшись на родину, молодые люди испытывали глубокое волнение.

Папа! У-у-у...

Сяомин, Сяомин, мама и папа здесь!

Ты похудел, Сяомин!

Студенты воссоединялись со встревоженными родственниками и друзьями, крепко обнимаясь посреди тренировочного поля.

В хвостовой части меха.

Необычайно красивый юноша с головой и лицом, обмотанными окровавленными бинтами, опираясь на костыли, медленно выбирался наружу.

Он шел очень медленно, и было очевидно, что он тяжело ранен.

Его звали Чу Янь, он был лучшим студентом академии Шэн Сюэлай по уровню ментальной силы, а также самым молодым и талантливым генерал-майором империи.

Чу Янь, сюда!

Сы Юйхэн замахал рукой и громко выкрикнул его имя.

Вот увидишь, я же говорил, что Чу Янь ничего не слышит. А ты не верил.

Двоюродный брат Чу Яня, Чу Икэ, стоявший рядом с Сы Юйхэном, презрительно скривил губы.

Он тяжело ранен. Он даже ослеп. Об этом нам лично сказал личный секретарь Его Величества.

К тому же секретарь говорил, что лицо Чу Яня изуродовано взрывом. Не веришь — пойді сам посмотри. Как ни кричи, он все равно ничего не услышит.

Сы Юйхэн снова изо всех сил выкрикнул имя товарища, но, не дождавшись никакой реакции, произнес:

Пойдем, найдем его сами.

Чу Янь потерял большую часть слуха и половину зрения; опираясь на костыли, он с трудом вглядывался в толпу людей в поисках родных. В такой день знакомые почти не приходили, в основном здесь встречали только семьи.

А из близких у него оставались лишь Сы Юйхэн да родня по линии клана Чу.

Вокруг толпилось слишком много народа, и Чу Янь никак не мог никого разглядеть. Пока Сы Юйхэн не хлопнул его по плечу.

Чу Янь!

Чу Янь удивленно обернулся:

Юйхэн? Икэ?

Мм. Братец, как тебя угораздило так пострадать? Какая же ты бесполезная развалина.

Чу Икэ беззастенчиво уколол Чу Яня.

Сы Юйхэн же с заметным напряжением вглядывался в лицо собеседника.

Чу Янь, твои раны на лице очень серьезные?

Чу Янь едва разбирал слова.

Что вы говорите? Можете подойти ближе? У меня очень сильно поврежден слух.

Я спрашиваю, твои раны на лице — это серьезно?

Сы Юйхэн с раздражением подался вперед и прорычал ему прямо на ухо.

На этот раз Чу Янь расслышал.

Пусть слух его и подводил, но выражения раздражения на лицах этих двоих он не заметить не

мог.

Довольно серьезно.

Где? Дай взглянуть.

Чу Янь не хотел выставлять пугающие раны напоказ перед толпой.

Но Сы Юйхэн уже нетерпеливо сорвал с его лица окровавленные бинты.

Мамочки, как страшно! Какая жуткая кровь!

Это же Чу Янь? Он что, лицо потерял?

О боже, сейчас он выглядит страшнее любого призрака!

Быстрее, уходим отсюда, держитесь от него подальше, боюсь, если продолжу смотреть, мне потом кошмары всю ночь сниться будут.

Сы Юйхэн тоже увидел раны Чу Яня, и в тот момент, когда его взор упал на поврежденное лицо юного альфы, выражение глаз энигмы неуловимо изменилось.

Сначала промелькнуло шокированное изумление, а затем — безгливость.

Мы пойдем...

Чу Яня ранил этот взгляд; маленький альфа попытался хоть что-то сказать им, но двоюродный брат перебил его.

Чу Икэ самодовольно глянул на Сы Юйхэна, а затем прямо на глазах у Чу Яня обвился руками вокруг его локтя.

Сы Юйхэн не стал отталкивать Чу Икэ, позволив тому держаться за себя, и лишь холодным, отталкивающим взглядом свысока окинул Чу Яня.

В его глазах плескалось одно сплошное отвращение.

Глядя на интимные жесты жениха и брата, Чу Янь почувствовал, как сердце падает в пропасть:

Вы...

Тогда Чу Икэ чмокнул Сы Юйхэна в щеку.

Прижавшись к уху Чу Яня, он победоносно прошептал:

Брат, мы с Юйхэн-геем теперь вместе. Ты стал калекой.

Ты больше не достоин Юйхэн-гея, а я как раз безумно люблю его, и он отвечает мне тем же.

Наша с ним помолвка аннулирована. Он обручится со мной заново.

Душу Чу Яня раздирала такая жуткая буря боли, что он едва не потерял сознание.

Однако на лице не дрогнул ни единый мускул — он не показал ни капли слабости или страдания.

Его взгляд, полный холода, скользнул по Сы Юйхэну и Чу Икэ.

Вы двое за моей спиной уже давным-шено крутите шашни, верно?

Ну и что с того? Что ты нам сделаешь? Какая из имперских законов запрещает мне быть с ним?

Чу Янь, сходи в туалет и посмотри на свое отражение, в кого ты превратился! На такую физиономию даже царь подземного мира без слез смотреть не станет. С чего бы Юйхэн-гею оставаться с таким изуродованным уродом, как ты?

Мало того, что ты лишился лица, ты теперь еще и инвалид. Твои уши, твои глаза — всё отказало. Чем ты собираешься завоевать сердце Юйхэн-гея?

Такого бесчувственного и двуличного энигму мне и даром не надо.

Даже если бы он сам не заговорил о расставании, я бы бросил его первым.

Просто подобранный вами выброшенный мной мусор — и вы еще смеее этим гордиться?

Руки Чу Яня, сжимавшие костыли, слегка дрожали.

Но его ответный удар был острым и твердым.

Стоит альфе изменить один раз, и он будет изменять вечно. Приглядывай за Сы Юйхэном получше, смотри, как бы он в один прекрасный день и тебе рога не наставил.

Не твоего ума дело, тварь! Следи за собой! Еще слово — и пеняй на себя!

Слова Чу Яня попали в самую точку его потаенных страхов, и Чу Икэ со злости сильно толкнул его.

Чу Янь, сообщаю тебе прекрасную новость: мои родители тоже не намерены содержать бесполезного калеку! С сегодняшнего дня можешь катиться на все четыре стороны!

Ну-ка, Юйхэн-гей, принеси его барахло!

Вскоре по приказу Чу Икэ Сы Юйхэн подтащил со стоянки большой чемодан.

Чу Икэ с размаху пнул багаж, опрокидывая его прямо перед Чу Янем.

Забирай свои железяки и вали из моего дома!

Ладно, всё, что хотели, мы сказали, пошли отсюда.

Сы Юйхэн взял Чу Икэ за руку.

Я больше не хочу смотреть на эту уродливую рожу. Жутко до мурашек.

Пошли!

Чу Янь больше ничего не произнес. Чмошный багаж валялся на земле, вещи вывалились наружу. Маленький альфа, волоча за собой раненое тело, молча натянул обратно бинты на лицо.

Под испуганными и брезгливыми взглядами окружающих он поочередно подобрал и сложил свои вещи обратно в чемодан.

Ему больше некуда было идти.

Маленький альфа приволок чемодан к бывшему другу Сян Юю.

Сян Юй, я могу переточниться у тебя пару дней?

Спросил он с затаенной надеждой.

Однако в ответ Сян Юй посмотрел на него тем же отчужденным взглядом.

А родители Сян Юя и вовсе подняли крик:

Ни за что, Сяо Юй, даже не думай соглашаться! Он же нас обокрасть хочет! Если он поселится у нас, то точно заставит оплачивать лечение этой его рожи!

И все остальные его болячки! Он же чистой воды пиявка, увидел, что наша семья живет в достатке, и решил присосаться!

Он давно положил глаз на тебя и наш дом! Дружить с тобой хотел только ради нашего наследства!

Пошли, пошли, Сяо Юй, держись от него подальше, а то втянет тебя в свои грязные дела!

Прости, Чу Янь. Мои родители против. Ты не можешь остаться у меня. Я пошел.

Сян Юй удалился быстрым шагом.

Хотя Чу Янь слышал его плохо, громкие и гневные выкрики родителей про попытку обокрасть их и про пиявку донеслись до него отчетливо.

У Чу Яня действительно не осталось ни единого приюта, и он заковылял на тренировочную площадку к их командующему.

Командующий Чжао. Мне некуда податься. Разве в академии не пустуют студенческие общежития, можно мне занять одно из них?

Нельзя ли отсрочить оплату проживания на несколько дней? Я обязательно найду деньги и рассчитаюсь.

Командующий Чжао был занят беседой с двумя аристократами.

Иди, иди отсюда, не мешай. Никаких свободных общежитий в академии нет!

Командующий удалился в сопровождении знатных особ, а Чу Янь по его взмаху руки понял, что получил отказ.

Больше он докучать не стал.

Многочисленные ранения, легкая одежда, а также череда жестоких ударов после приземления сломили выносливость стойкого маленького альфы.

У него закружилась голова — то ли от холода сырого дождя, то ли от нехватки крови и резкого падения сахара.

Он прислонился к чемодану и медленно осел на землю, надеясь нащупать в вещах хоть какую-нибудь конфетку.

Люди на полигоне разошлись, оставив его в полном одиночестве. Поиски впотьмах лишь усилили головокружение.

В тот самый миг, когда Чу Янь почувствовал, что теряет сознание, чья-то сильная рука подхватила его прямо с влажного покрытия посадочной площадки.

Чу Янь. Чу Янь! Что с тобой?

Маленький альфа с трудом приоткрыл веки и увидел мужественное лицо с глубокими чертами, изысканными и благородными чертами и пронзительными светлыми глазами.

Объемные и аристократичные черты лица энигмы отличались четкими контурами и безупречной гармонией. Он был зрелым и невероятно сильным энигмой, чей спокойный и невозмутимый взгляд не выдавал ни единой эмоции, источая абсолютную, железобетонную надежность.

От императора исходила природная, но не вызывающая отторжения аура первоклассного хищника.

Высокий и невероятно красивый, при ближайшем рассмотрении он производил сокрушительное впечатление: светлые, открытые глаза несли в себе невозмутимое спокойствие высшего энигмы — элегантное и завораживающее.

Губы бледного оттенка с четко очерченным контуром подчеркивали красивую форму рта.

Высокие надбровные дуги, прямой нос, крутой излом которого выглядел ошеломляюще и дерзко.

Идеальные пропорции лица сочетались с царственной осанкой, заставляя энигму гордо возвышаться над всеми.

Именно это и создавало главные истоки тяжелого давления.

В каждом жесте зрелого энигмы сквозило императорское величие, лишенное при этом излишней заносчивости, поскольку сам он обладал железобетонно стабильной психикой.

На публике его образ всегда оставался непостижимым и безупречным. Но сейчас на его лице мелькнуло едва заметное подобие тревоги.

Хоть тень была и мимолетной, Чу Янь её почувствовал.

Это лицо маленький альфа знал наизусть — оно ежедневно мелькало во всех выпусках новостей. В груди юноши вспыхнуло изумление.

Император... Ваше Величество?

<http://bllate.org/book/22365/2345220>